

В клубе «Только стихия, только поэзия»

31 июля 2013 года.

Собрались в 422-ой раз!!!

Темой этой встречи был

Григорьев Аполлон Александрович (28.07.1822 – 7.10.1864)

День его рождения за три дня до нашей встречи

Виктор Мирочник прочёл о нём и его стихи:

Аполлон Александрович Григорьев родился в 1822 г. в Москве, в самом сердце купеческого района -- в той части города, где поверхностный лак западной утонченной цивилизации был едва заметен и где русский характер сохранялся и более или менее свободно развивался. Когда пришло время, Григорьев поступил в университет, вскоре совершенно пропитался

романтическим и идеалистическим духом своей эпохи. Шиллер, Байрон, Лермонтов, но прежде всего театр с Шекспиром и шекспировским актером Мочаловым -- вот воздух, которым он дышал. Окончив университет, Григорьев посвятил себя литературе. В 1846 г. он выпустил томик стихов, который прошел почти незамеченным. В это время Григорьев, покинувший родительский дом, усвоил вольные и безалаберные обычаи романтической богемы. Жизнь его превратилась в череду страстных и идеальных романов, столь же страстных и самозабвенных кутежей и постоянного безденежья -- прямого следствия его безответственного и непредсказуемого поведения. Но несмотря ни на что, он не утратил своих высоких идеалов. Не утратил он и своей огромной работоспособности. Работал он урывками, но неистово, лихорадочно, будь то поденная работа на какого-нибудь загнавшего его издателя или перевод из любимых Шекспира и Байрона, или одна из его бесконечных статей, таких бессвязных и таких богатых мыслями. В 1847 г. он сошелся с одаренными молодыми людьми, группировавшимися вокруг Островского. Это имело на Григорьева решающее влияние. Новых друзей объединял безграничный кипучий восторг перед русской самобытностью и русским народом. Под их влиянием ранний, смутно благородный, широкий романтизм Григорьева оформился в культ русского характера и русского духа. Особенное впечатление на него произвел Островский -- своей цельностью, здравым смыслом и новым, чисто русским духом своих драматических произведений. С этих пор Григорьев стал пророком и провозвестником Островского. В 1851 г. Григорьев сумел убедить Погодина передать ему издание Москвитянина. Григорьев, Островский и их друзья стали известны как "молодая редакция" Москвитянина. Но недалёковидная скупость Погодина постепенно вынудила лучших писателей из "молодой редакции" перебраться в западнические журналы Петербурга. Наконец в 1856 г. Москвитянин закрылся, и Григорьев снова оказался на мели. Связи с "молодой редакцией" еще усилили его богемные наклонности. Основным занятием в этом кругу были пирушки, песни, а основным видом фольклора, которому они покровительствовали, -- цыганские хоры. Люди типа Островского были настолько крепки, физически и морально, что могли выдержать самые дикие излишества, но Григорьев был более хрупким и менее выносливым, и этот образ жизни, особенно же полное отсутствие самодисциплины, которому он способствовал, подорвали его здоровье. После закрытия Москвитянина Григорьев снова перебрался в Петербург в поисках работы. Но для большинства редакторов он был неприемлем как журналист, поскольку они не одобряли его националистического энтузиазма. Он впал в нищету и стал искать любой, не литературной работы. Он получил было отличное место -- поездку за границу в качестве воспитателя юного отпрыска аристократической семьи, но его отношения с этой семьей закончились шумным скандалом. Таким же неудачным оказалось его оренбургское приключение, где он год преподавал и вдруг исчез, никому ничего не говоря. В 1861 г. он сошелся с братьями Достоевскими и Страховым и стал печататься в их журнале Время. Он встретил у них духовную близость и сочувственное понимание, но упорядочить свою

жизнь уже не мог -- слишком далеко зашел. Немало времени из оставшихся ему лет он провел в долговой тюрьме. В 1864 г., когда Время (закрытое в 1863 г.) возобновилось под названием Эпоха, Достоевские пригласили его в качестве главного критика. За несколько месяцев, которые ему оставалось жить, Григорьев написал свои главные прозаические произведения, Мои литературные и нравственные скитальчества и Парадоксы органической критики. Но дни его были сочтены. Летом 1864 г. он опять попал в долговую тюрьму. Благодаря щедрости одного из друзей его оттуда выпустили, но на следующий день он скончался.

Комета

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.
июнь 1843

* * *

Над тобою мне тайная сила дана,
Это - сила звезды роковой.
Есть преданье - сама ты преданий полна-
Так послушай: бывает порой,
В небесах загорится, средь сонма светил,
Небывалое вдруг иногда,
И гореть ему ярко господь присудил-
Но подучая это звезда...
И сама ли нечистым огнем сожжена,
Или, звездному кругу чужда,
Серафимами свержена с неба она,-
Рассыпается прахом звезда;
И дано, говорят, той печальной звезде
Искушенья посеять одно,
Да лукавые сны, да страданье везде,
Где рассыпаться ей суждено.
Над тобою мне тайная сила дана,
Эту силу я знаю давно:
Так уносит в безбрежное море волна
За собой из залива судно,
Так, от дерева лист оторвавши, гроза
В вихре пыли его закружит,
И, с участием следя, не увидят глаза,
Где кружится, куда он летит...
Над тобою мне тайная сила дана,
И тебя мне увлечь суждено,

И пускай ты горда, и пускай ты скрытна,-
Эту силу я понял давно.
Август 1843

* * *

Страданий, страсти и сомнений
Мне суждено печальный след
Оставить там, где добрый гений
Доселе вписывал привет...
Стихия бурная, слепая,
Повиноваться я привык
Всему, что, грудь мою сжимая,
Невольно лезет на язык...
Язык мой - враг мой, враг издавна...
Но, к сожаленью, я готов,
Как христианин православный,
Всегда прощать моих врагов.
И смолкнет он по сей причине,
Всегда как колокол звуча,
Уж разве в "метеорском чине"
Иль под секирой палача...
Паду ли я в грозящей битве
Или с "запоя" кончу век,
Я вспомнить в девственной молитве
Молю, что был де человек,
Который прямо, беззаветно
Порывам душу отдавал,
Боролся честно, долго, тщетно
И сгиб или усталый пал.
16 февраля 1858, Флоренция

* * *

...К чему они, к чему свиданья эти?
Бессонницы - расплата мне за них!
А между тем, как зверь, попавший в сети,
Я тщетно злюсь на крепость уз своих.
Я к ним привык, к мучительным свиданьям..
Я опиум готов, как турок, пить,
Чтоб муку и в душе своей продлить,
Чтоб дольше жить живым воспоминаньем...
Чтоб грезить ночь и целый день бродить
В чаду мечты, под сладким обаяньем
Задумчиво опущенных очей!
Мне жизнь темна без света их лучей.
Да... я люблю вас... так глубоко, страстно,
Давно... И страсть безумную свою
От всех, от вас особенно таю.
От вас, ребенок чистый и прекрасный!
Не дай вам бог, дитя мое, узнать,
Как тяжело любить такой любовью,
Рыдать без слов, метаться, ощущать,
Что кровь свинцом расплавленным, не кровью,
Бежит по жилам, рваться, проклинать,
Терзаться ночи, дни считать тревожно,
Бояться встреч и ждать их, жадно ждать;
Беречься каждой мелочи ничтожной,

Дрожать за каждый шаг неосторожный,
Над пропастью бездонною стоять
И чувствовать, что надо погибать,
И знать, что бегство больше невозможно.

Шагалова Марина прочитала стихи Григорьева и о что нём написал Блок

* * *

Я ее не люблю, не люблю...
Это - сила привычки случайной!
Но зачем же с тревогою тайной
На нее я смотрю, ее речи ловлю?
"Что мне в них, в простодушных речах
Тихой девочки с женской улыбкой?
Что в задумчиво-робко смотрящих очах
Этой тени воздушной и гибкой?
Отчего же - и сам не пойму-
Мне при ней как-то сладко и больно,
Отчего трепещу я невольно,
Если руку ее на прощанье пожму?
Отчего на прозрачный румянец ланит
Я порою гляжу с непонятною злостью
И боюсь за воздушную гостью,
Что, как призрак, она улетит.
И спешу насмотреться, и жадно ловлю
Мелодически-милые, детские речи;
Отчего я боюсь и жду с нею встречи?..
Ведь ее не люблю я, клянусь, не люблю.

Цыганская венгерка

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой - ты ли? Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать

Буйного похмелья,
Горького веселья!
Это ты, загул лихой,
Ты - слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки-
Ты, мотив венгерки!
Квинты резко дребезжат,
Сыплют дробью звуки.. Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.
Что за горе? Плюнь, да пей!
Ты завей его, завей
Веровочкой горе!
Топи тоску в море!
Вот проходка по баскам
С удалью небрежной, А за нею - звон и гам
Буйный и мятежный.
Перебор... и квинта вновь
Ноет, завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает...

* * *

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!
Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.
Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована...
И сердце ведает мое,
Отравую облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое...
Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне - договори
Ты песню недопетую.
Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!
И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

* * *

Когда колокола торжественно звучат
Иль ухо чуткое услышит звон их дальний,
Невольно думою печальною объят,
Как будто песни погребальной,

Веселым звукам их внимаю грустно я,
И тайным ропотом полна душа моя.
Преданье ль темное тайник взволнует груди
Иль точно в звуках тех таится звук иной,
Но, мнится, колокол я слышу вечерной,
Разбитый, может быть, на тысячи орудий,
Властям когда-то роковой.
Да, умер он, давно замолк язык народа,
Склонившего главу под тяжкий царский кнут;
Но встанет грозный день, но воззовет свобода
И камни вопли издадут,
И расточенный прах и кости исполина
Совокупит опять дух божий воедино.
И звучным голосом он снова загудит,
И в оный судный день, в расплаты час кровавый,
В нем новгородская душа заговорит
Московской речью величавой...
И весело тогда на башнях и стенах
Народной вольности завевет красный стяг...
Иль ухо чуткое услышит звон их дальний,
Невольню думою печальною объят,
Как будто песни погребальной,
Веселым звукам их внимаю грустно я,
И тайным ропотом полна душа моя.
Преданье ль темное тайник взволнует груди
Иль точно в звуках тех таится звук иной,
Но, мнится, колокол я слышу вечерной,
Разбитый, может быть, на тысячи орудий,
Властям когда-то роковой.
Да, умер он, давно замолк язык народа,
Склонившего главу под тяжкий царский кнут;
Но встанет грозный день, но воззовет свобода
И камни вопли издадут,
И расточенный прах и кости исполина
Совокупит опять дух божий воедино.
И звучным голосом он снова загудит,
И в оный судный день, в расплаты час кровавый,
В нем новгородская душа заговорит
Московской речью величавой...
И весело тогда на башнях и стенах
Народной вольности завевет красный стяг...

Виктор Мирочник прочёл стихотворение Высоцкого:

Потеряю истинную веру -
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насера -
Не подходит к ордену Насер!
Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом,
Но давать Героя - это брось!
Почему нет золота в стране?
Раздали, гады, раздали.
Лучше бы давали на войне,
А насеры после б нас простили!
1964

Мильграм Аркадий рассказал о Высоцком из своих воспоминаний

Одоевцева Ирина Владимировна (27.07.1895 – 14.10.1990)

День её рождения за 4 дня до нашей встречи. Прожила 95 лет.

Виктор Мирочник рассказал о ней и прочёл её стихи.

Ирина Одоевцева (Женский месяцеслов)

11 апреля 1987 – возвратилась из эмиграции Ирина Владимировна Одоевцева. "Маленькая поэтесса с огромным бантом". Найдя для себя это определение, она перестала быть Ираидой Густавовной и стала Ириной Владимировной Одоевцевой, "одной из последних, видевшей их и слышавшей их, живой памятью о них" - о Гумилеве, Ахматовой, Сологубе, Белом, Бунине, Ходасевиче, Гиппиус, Мережковском. Она через много лет после "гибели" Серебряного века вернула нам частицу его. Когда в 1967 году вышла книга воспоминаний Одоевцевой "На берегах Невы", мы словно оказались соседями увлеченного выдумщика и мечтателя Гумилева, прошлись по заснеженному Петербургу вместе с великой и непостижимой Ахматовой, услышали "птичий щебет" Мандельштама. Воспоминания Одоевцевой весьма сдержанны, где-то даже отстранены. Как будто не воспоминания это, а роман, где автор старается скрыться за величественными образами. Оставаясь верной себе, "маленькая поэтесса" скромно, как и положено институтке, и увлекательно, живо и достоверно, подчас иронично, как и положено студентке Института живого слова, рассказывает нам о великих поэтах как о добрых и очень уважаемых знакомых, а о поэзии как о высшем проявлении человеческого духа. Одоевцева предпочитает говорить о себе немного, хотя в те годы она активно пишет и переводит (из своих стихов Одоевцева упоминает лишь "Балладу о толченом стекле" и "Балладу об извозчике").

Воспоминания обрываются свадьбой с Георгием Ивановым и свадебным путешествием в Париж в 1922 году. Финал книги - тревожный: "Нет, я чувствую, я знаю: такой счастливой, как

здесь, на берегах Невы, я уже никогда и нигде не буду". Одоевцева предчувствовала, что вновь увидит родной город нескоро - только через 65 лет. Большая часть жизни Ирины Владимировны прошла в Париже, и именно так – "На берегах Сены" (1981) - она назвала вторую книгу воспоминаний. Здесь, за рубежом, вышли стихотворные сборники "Контрапункт" (1950), "Златая цепь" (1975), роман "Оставь надежду навсегда" и другие. Хотя Одоевцева прекрасно владела французским и еще несколькими языками, ее литература была и остается русской: "Мы никогда не чувствовали себя эмигрантами. Мы были и остаемся русскими писателями". Это не просто слова – живя во Франции, Иванов и Одоевцева отказались принять французское гражданство. Об этом мечтали многие эмигранты, но не они, не представлявшие себя без России. "Маленькая поэтесса" не только вернула нам в своих книгах и стихах атмосферу Серебряного века, она вернулась сама. Пережив двух мужей-писателей (второй супруг – Яков Николаевич Горбов), вторую мировую войну, достаток и лишения, в начале 80-х годов – тяжелую болезнь, в возрасте 91 года Ирина Одоевцева вновь увидела родные невские берега. В феврале 1987 года "Литературная газета" опубликовала очерк о русской поэтессе, трудно и одиноко живущей в Париже. Реакцией на статью было приглашение Союза писателей возвратиться на родину. 11 апреля литературная общественность северной столицы встречала Ирину Владимировну в "Пулково". Через три года (1990) Ирина Одоевцева умерла.

ТОЛЧЕНОЕ СТЕКЛО

К. И. Чуковскому

Солдат пришел к себе домой -
Считает барыши:
"Ну, будем сыты мы с тобой -
И мы, и малыши.
Семь тысяч. Целый капитал
Мне здорово везло:
Сегодня в соль я подмешал
Толченное стекло".
Жена вскричала: "Боже мой!
Убийца ты и зверь!
Ведь это хуже, чем разбой,
Они умрут теперь".
Солдат в ответ: "Мы все умрем,
Я зла им не хочу -
Сходи-ка в церковь вечером,
Поставь за них свечу".
Поел и в чайную пошел,
Что прежде звали "Рай",
О коммунизме речь повел
И пил советский чай.
Вернувшись, лег и крепко спал,
И спало все кругом,
Но в полночь ворон закричал
Так глухо под окном.
Жена вздохнула: "Горе нам!
Ах, горе, ах, беда!
Не каркал ворон по ночам

Напрасно никогда".
Но вот пропел второй петух,
Солдат поднялся зол,
Был с покупателями сух
И в "Рай" он не пошел.
А в полночь сделалось черно
Солдатское жильё,
Стучало крыльями в окно,
Слетаясь, воронье.
По крыше скачут и кричат,
Проснулась детвора,
Жена вздыхала, лишь солдат
Спал крепко до утра.
И снова встал он раньше всех,
И снова был он зол.
Жена, замаливая грех,
Стучала лбом о пол.
"Ты б на денек,- сказал он ей,-
Поехала в село.
Мне надоело - сто чертей!-
Проклятое стекло".
Один оставшись, граммофон
Завел и в кресло сел.
Вдруг слышит похоронный звон,
Затрясся, побелел.
Семь кляч дощатых семь гробов
Везут по мостовой,
Поет хор бабьих голосов
Слезливо: "Упокой".
- Кого хоронишь, Константин?
- Да Машу вот, сестру -
В четверг вернулась с именин
И померла к утру.
У Николая умер тесть,
Клим помер и Фома,
А что такое за болесьть -
Не приложу ума.
Ущербная взошла луна,
Солдат ложится спать,
Как гроб тверда и холодна
Двухспальная кровать!
И вдруг - иль это только сон?-
Идет вороний поп,
За ним огромных семь ворон
Несут стеклянный гроб.
Вошли и встали по стенам,
Сгустилась сразу мгла,
"Брысь, нечисть! В жизни не продам
Толченого стекла".
Но поздно, замер стон у губ,
Семь раз прокаркал поп.
И семь ворон подняли труп
И положили в гроб.
И отнесли его туда,
Где семь кривых осин
Питает мертвая вода

Чернеющих трясин.

БАЛЛАДА ОБ ИЗВОЗЧИКЕ

Георгию Адамовичу

К дому по Бассейной, шестьдесят,
Подъезжает извозчик каждый день,
Чтоб везти комиссара в комиссариат -
Комиссару ходить лень.
Извозчик заснул, извозчик ждет,
И лошадь спит и жует,
И оба ждут, и оба спят:
Пора комиссару в комиссариат.
На подъезд выходит комиссар Зон,
К извозчику быстро подходит он,
Уже не молод, еще не стар,
На лице отвага, в глазах пожар -
Вот каков собой комиссар.
Он извозчика в бок и лошадь в бок
И сразу в пролетку скок.
Извозчик дернет возжей,
Лошадь дернет ногой,
Извозчик крикнет: "Ну!"
Лошадь поднимет ногу одну,
Поставит на землю опять,
Пролетка покатится вспять,
Извозчик щелкнет кнутом
И двинется в путь с трудом.
В пять часов извозчик едет домой,
Лошадь трусит усталой рысцой,
Сейчас он в чайной чаю попьет,
Лошадь сена пока пожует.
На дверях чайной - засов
И надпись: "Закрывается по случаю дров".
Извозчик вздохнул: "Ух, чертов стул!"
Почесал затылок и снова вздохнул.
Голодный извозчик едет домой,
Лошадь снова трусит усталой рысцой.
Наутро подъехал он в пасмурный день
К дому по Бассейной, шестьдесят,
Чтоб вести комиссара в комиссариат -
Комиссару ходить лень.
Извозчик уснул, извозчик ждет,
И лошадь спит и жует,
И оба ждут, и оба спят:
Пора комиссару в комиссариат.
На подъезд выходит комиссар Зон,
К извозчику быстро подходит он,
Извозчика в бок и лошадь в бок
И сразу в пролетку скок.
Но извозчик не дернул возжей,
Не дернула лошадь ногой.
Извозчик не крикнул: "Ну!"
Не подняла лошадь ногу одну,
Извозчик не щелкнул кнутом,
Не двинулись в путь с трудом.
Комиссар вскричал: "Что за черт!"

Лошадь мертва, извозчик мертв!
Теперь пешком мне придется бежать,
На площадь Урицкого, пять".
Небесной дорогой голубой
Идет извозчик и лошадь ведет за собой.
Подходят они к райским дверям:
"Апостол Петр, отворите нам!"
Раздался голос святого Петра:
"А много вы сделали в жизни добра?"
- "Мы возили комиссара в комиссариат
Каждый день туда и назад,
Голодали мы тысячу триста пять дней,
Сжальтесь над лошадыю бедной моей!
Хорошо и спокойно у вас в раю,
Впустите меня и лошадь мою!"
Апостол Петр отпер дверь,
На лошадь взглянул: "Ишь, тощий зверь!
Ну, так и быть, полезай!"
И вошли они в Божий рай

БАЛЛАДА О ГУМИЛЕВЕ

На пустынной Преображенской
Снег кружился и ветер выл...
К Гумилеву я постучала,
Гумилев мне дверь отворил.
В кабинете топилась печка,
За окном становилось темней.
Он сказал: "Напишите балладу
Обо мне и жизни моей!
Это, право, прекрасная тема",-
Но я ему ответила: "Нет.
Как о Вас напишешь балладу?
Ведь вы не герой, а поэт".
Разноглазое отсветом печки
Осветилось лицо его.
Это было в вечер туманный,
В Петербурге на Рождество...
Я о нем вспоминаю все чаще,
Все печальнее с каждым днем.
И теперь я пишу балладу
Для него и о нем.
Плыл Гумилев по Босфору
В Африку, страну чудес,
Думал о древних героях
Под широким шатром небес.
Обрываясь, падали звезды
Тонкой нитью огня.
И каждой звезде говорил он:
- "Сделай героем меня!"
Словно в аду полгода
В Африке жил Гумилев,
Сражался он с дикарями,
Охотился на львов.
Встречался не раз он со смертью,
В пустыне под "небом чужим".
Когда он домой возвратился,

Друзья потешались над ним:
- "Ах, Африка! Как экзотично!
Костры, негритянки, там-там,
Изысканные жирафы,
И друг ваш гиппопотам".
Во фраке, немного смущенный,
Вошел он в сияющий зал
И даме в парижском платье
Руку поцеловал.
"Я вам посвящу поэму,
Я вам расскажу про Нил,
Я вам подарю леопарда,
Которого сам убил".
Колыхался розовый веер,
Гумилев не нравился ей.
- "Я стихов не люблю. На что мне
Шкуры диких зверей",..
Когда войну объявили,
Гумилев ушел воевать.
Ушел и оставил в Царском
Сына, жену и мать.
Средь храбрых он был храбрейший,
И, может быть, оттого
Вражеские снаряды
И пули щадили его.
Но приятели косо смотрели
На георгиевские кресты:
- "Гумилеву их дать? Умора!"
И усмешка кривила рты.
Солдатские - по эскадрону
Кресты такие не в счет.
Известно, он дружбу с начальством
По пьяному делу ведет.
Раз, незадолго до смерти,
Сказал он уверенно: "Да.
В любви, на войне и в картах
Я буду счастлив всегда!..
Ни на море, ни на суше
Для меня опасности нет..."
И был он очень несчастен,
Как несчастен каждый поэт.
Потом поставили к стенке
И расстреляли его.
И нет на его могиле
Ни креста, ни холма - ничего.
Но любимые им серафимы
За его прилетели душой.
И звезды в небе пели: -
"Слава тебе, герой!"

Константин Баскович прочёл свои стихи:

РОНДО

Когда уходит ночь – прилив космический
волны и вольный вал ударил в миг тоски
вины его и мир смывает начисто,
и тень его быть хочет им, но прячется...
всей разницы разрыв математический,
уж лучше гром какой-то металлический,
и жизнь обманщица и неудачница,
когда за смытым светом не утащится,
когда уходит ночь...

мир строится, но рушится, практически,
проплыть через моря и переплыть пески
достаточно, но может быть и два часа
изменяют всё и с ними всё развалится,
когда уходит ночь на грёзы прииски,
когда уходит ночь...

всё объято синевой,
только камни мостовой,
да влюблённость в то, что слева...
я бреду куда-то слепо,
и свидания за мной,
и прощания за мной,
и ни жизненного снега,
ни смертельного отсвета,
всё объято синевой...

вечно кто-то есть живой,
так устроен город мой,

свет умрёт – прорвётся небо,
ветер внутрь прольётся sklepa,
станет крик морской волной...
Всё объято синевой...

улицы вьются, переливаются,
скверы, проспекты пьяны, как от вальса,
сердца сосуды сверканием полнятся,
и на три четверти, и на два голоса,
музыка тянется лёгкого паруса,
солнце, как виски высокого градуса,
волнообразной дороги пропойца,
я вам пою про два разные полюса,
улицы вьются...

Ветром листва моих лет обрывается,
дождь убирается оборванисто
и растворяется в музыке глосса,
и на три четверти, и на два голоса,
с жизнью и телом объединяются,
улицы вьются...

Как часть самого себя самому себе...
Остатки сгорают дня, не скажу сильней,
Стыжусь, что ещё я дальше вообще всего...
Делюсь на часть, на запах себя самого...
Но в городе отыскать мне дано сирень...
И небо зависит - с кем ему быть синей...
Я знаю, сгорев отчасти, оно серо,
Но мне полюбить бы пламень сей до того,
как часть самого себя...
И мозг – мой зверь, обитаемый не в среде
любви этих дней, где суть не в сне, не в еде,
сгорает, но только дважды... жара в стекло,
тоска о тебе его и о нём его...
Разбитый мышцей фонтана дождь в сентябре...
Как часть самого себя...

Эдуард Нейбург прочёл свой рассказ
«Закон сохранения мечты»

Было прочитано стихотворение Коген Людмилы

Стихи посвящены в основном молодёжи (интеллигенции).

Стихи и романы студенты когда-то читали
Как много на свете таких замечательных книг!
Порою бессонною ночью «овечек» считали
Быть может кому-то явился вдруг ангел на миг...

О, если б кому-то открылся б край дивный, небесный!
И стал б он овцой одной, самой ценной из ста.
На златную пажить тогда б добрый пастырь чудесный
Привёл бы овечку, избравшую всё ж, путь Христа.

Чрез Слово библейское, только в любви, в духе Света
Привёл бы к водам тихим овечку Спаситель её.

Веди и меня в чудо-пору Господнего лета
На злачную пажить, Христос мой, в блаженство своё!
О. Как же хочу прославить я Тебя в вечной жизни!
Пусть ангельской трелью сольётся протяжное «ббее»!!!

По узкой дороге ведёшь Ты к Небесной Отчизне
То малое стадо, которое служит Тебе.